

8. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.
9. Алексеев С.С. Теория права. Харьков ; М., 1994.
10. Вовленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права : учеб. пособие. Волгоград, 1998.
11. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
12. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституц. правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.
13. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013.
14. Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравн. конституц. обозрение. 2008. № 4. С. 4–6.

УДК 340.12

Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Полицейское государство должно было стать средством создания «земного рая», страной всеобщего благоденствия и местом жизни счастливых людей. Начав историю в XVII в., полицейское государство пережило несколько этапов развития и своим дискурсивным и институциональным наследием определило специфику отдельных характеристик государств третьего тысячелетия.

Важной составляющей процесса формирования полицейского государства явилось обновление ценностных стандартов в правовой и социальной культуре: базовые социальные ценности (всеобщее счастье, общее благо, благополучие, порядок) закрепили статус конечных оснований (идеальных целей) и путеводных ориентиров в хаосе повседневных дел и забот. Притягательность и действенность идеальных и гармоничных социальных ожиданий и построений во время смены ценностных стандартов и переоценки ценностей существенно возросли. Начала формироваться специфическая система ценностей и средств их

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII – первая треть XX в.)», выполненного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

реализации, определяющих характер общественных отношений к государству, человеку, миру в целом, отражающих особенности взаимодействия власти и населения, оценку и способы взаимоотношений государственных органов и граждан в актуальной ситуации и долгосрочной перспективе. Всеобщее благо и всеобщее счастье были определены как высшая цель и ценность полицейского государства.

Полицейское государство по своей природе и форме существования неразрывно связано с полицией. Понятие *politia* проникло в Европу, имея смысл «обеспечение благополучия граждан полиса», «благое управление», и использовалось для закрепления обязанности государя заботиться о «добром порядке» [1] и достигать в государстве «состояния благополучия и спокойствия, являвшихся целью и результатом правильного управления» [2, S. 41]. В русский язык понятие «полиция» попало в XVIII в. в ходе государственно-правовых реформ Петра I. Его смысл – «состояние доброго порядка» – получил законодательное закрепление в имперской России при определении того, что полиция «особливое свое состояние имеет... есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [3, с. 195]. С расширительным толкованием понятия «полиция» как государственного управления и представлениями о функциях полиции максимально возможного в абсолютных монархиях объема было связано появление терминов «полицейское государство» и «полицейское право».

Содействие каждому человеку в его естественном стремлении к счастью, основанному на душевных, телесных и имущественных благах, было определено как предназначение государства и его высшая ценность одним из основоположников науки полицейского права Н. Деламаром [4]. Государство должно способствовать счастью каждого человека, полагал Н. Деламар, используя полицию – ведомство, приближенное к народу и обязанное заботиться о безопасности и благополучии граждан в публичных местах и в условиях домашнего проживания. Разделяя взгляды Ш. Луазо на полицию как на субъекта «права, регулирующего службу в интересах общего блага» [5, p. 16], Н. Деламар задачами полицейских органов считал доставление человеку счастья, а полицию характеризовал как организацию правления, смысл которой состоит в поддержании доброго порядка, все законы которой «не имеют иной цели, кроме общего блага общества» [4, Vol. 1, p. 2].

Убежденность в том, что цель государства – общественное благо-состояние и безопасность, демонстрировали Х. Томазий [6] и Х. фон Вольф [7–10], которые полагали, что цель личной и государственной жизни – счастье, средство его достижения – совершенствование личности и государства, а для благодетельствования граждан правительству

должно быть предоставлено право «усовершенствовать» их насильно. Определения понятия «всеобщее счастье» Х. Томазий и Х. фон Вольф не давали, критерии достижения всеобщего блага не выделяли, но полагали, что первоочередным шагом к его достижению являются имущественное благополучие и достаток абсолютно во всем. Х. Томазий и Х. фон Вольф способствовали развитию философии эвдемонизма, согласно которой высшую цель государства составляли всеобщее благо и всеобщее счастье, и превращению эвдемонистической теории в идейную основу системы управления в период просвещенного абсолютизма. Опираясь на утверждения Аристотеля о том, что люди объединяются в политическое сообщество не просто ради жизни, а для благой жизни [11], идеологи полицейского государства благо толковали как счастье, а счастье – как удовольствие (что дало основания современным исследователям назвать полицейское государство гедонистическим [12, с. 330]).

Содержание, увеличение и разумное использование общего для всех имущества видел средством достижения цели государства – общего для всех граждан благополучия – И.Г.Г. фон Юсти [13]. Государство – союз «многих частных поколений» [14, S. 1], имеет «благочиние» – «такое знание, с помощью которого внутренние распоряжения державы так устроятся, что благосостояние частных поколений пребывает всегда в тесном соединении и союзе со всеобщим благом» [14, S. 5].

Попытки достижения государством всеобщего счастья в условиях жизненных реалий приводили к всесторонней регламентации народной жизни. Монарх оценивал своих подданных как несовершеннолетних лиц, которые самостоятельно не могут понять, в чем состоит их собственное счастье [15, S. 257–284]. Уверенность монарха в том, что народом необходимо руководить на каждом шагу, нашла выражение в заявлении Фридриха Великого: «Народу, как больному ребенку, надо указывать, что он должен есть и пить» [16, с. 4]. Идея тотальной регламентации жизни общества привела сторонников полицейского государства к мысли о том, что государство обязано заботиться об «удобствах жизни» народа, о народных развлечениях и празднествах, о торжественных обедах в праздники, о том, чтобы каждый имел достаточно средств к жизни, был набожен, добродетелен и соблюдал установленные государством порядки [17, с. 5]. Именно поэтому атрибутивной чертой полицейского государства стали полицейские регламенты, которые в режиме мелочной опеки подробно определяли, что обывателю есть, в какой одежде показываться на улице, сколько лошадей запрягать в упряжку, какими добродетелями обладать, о чем мечтать и с кем общаться. Такое положение стало характерным и для европейских государств, и для России [18, с. 22; 19, с. 59].

В рамках теоретических конструкций полицейское государство представало не только царством опеки и репрессий, но и государством социальной помощи, социальным государством. При этом в условиях жизненных реалий власть, заняв по отношению к населению положение опекуна, о действительных проблемах народа не беспокоилась. Обучать население чтению, письму и арифметике предполагалось лишь в той мере, в какой это было необходимо для замещения образованными людьми должностей государственной службы. Подъем общественного самосознания и самоорганизации не только не составлял задач полицейского государства, но и противоречил одному из основных требований благочиния [20, с. 39–40]. Не считывая на «самопроизвольное повиновение» подданных даже «при самых мудрейших законах» полиции, абсолютизм должен был обеспечить «невозможность сопротивления» подданных. Для этого полицейская опека должна была проникать «во все углы и подробности» народной жизни [21, с. 12–13]. Стремясь «осчастливить» своих подданных, монархи использовали разнообразные средства, но при этом политическую, экономическую, духовную свободу личности они не предполагали, проявление инициативы личности не приветствовали, право индивиду на самостоятельные поступки не предоставляли. Под предлогом обеспечения общего блага всякое вторжение в сферу индивидуальных прав рассматривалось правомерным, а народ из числа субъектов, определяющих параметры и содержание блага, исключался.

Под влиянием практического размаха полицейской опеки выработывался новый взгляд на цель государства и государственно-правовые ценности, который был сформулирован в философском учении И. Канта: целью государства определялось не доставление подданным счастья, а обеспечение торжества идеи права; задачей государства должно было стать правовое разграничение свободы граждан – безопасность и порядок, а не попечение об их благосостоянии.

Одним из первых охарактеризовать цель государства и государственно-правовые ценности на основе новой правовой доктрины попытался Р. фон Мольт [22–25], который считал, что в условиях распространения в Европе либеральных философских, правовых, экономических теорий, развития частной экономической деятельности «полицейское государство все более и более теряло почву под ногами» [26, с. 2]. Оно уже не могло выступать единственной силой, способной обеспечивать благополучие общества и каждого человека. Наряду с ним субъектами полицейской деятельности становились отдельные лица и их объединения. Принудительная деятельность государства в области внутреннего управления стала ограничиваться задачами полиции безопасности или «превентивной юстиции» [26, с. 55–56], а права

человека трансформировались в пределы государственного вмешательства в различные сферы общественной жизни.

Задача государства, полагал Моль, «состоит в том, чтобы посредством разумной организации общей силы дать возможность» как отдельному человеку, так и общественным институтам «развивать все свои силы и преследовать свои разумные цели... помогать и защищать их в этом» [26, с. 2]. Государство обязано содействовать развитию всех способностей и сил, которыми наделен человек [26, с. 2]. Но не облагодетельствование народа в ущерб его свободе, не вторжение государства в жизнь человека ради его собственного благополучия, а лишь создание условий для самостоятельного приобретения им материальных и духовных благ – цель государства. Только лишь в случае, когда отдельное лицо или «дозволенный союз отдельных лиц» не могут устранить препятствия, «которые заграждают путь всестороннему разумному развитию человеческих сил» [26, с. 3], государство использует свои полномочия, предписывая полиции «ограничиться необходимым» и не управлять «слишком много». Гражданам «по их свободному желанию» может предоставляться полицейская помощь государства, «хотя, впрочем, есть много случаев, в которых государство прибегает к принуждению» [27, с. 216].

Развитие теории полицейского государства в России шло параллельно со строительством полиции как совершенно новой государственной институции. История полиции России во многих отношениях является уникальной, отличной от истории полиции зарубежных государств. Развитие полицейских органов российского государства внешне проходило в русле общеевропейских тенденций дискурсивной тематизации и практической реализации идеи доброго порядка, но при этом полицейская система России приобретала существенные отличия, обусловленные причинами структурного свойства: в России полицейское строительство шло сугубо сверху и не встречало резонанса в местных социальных и административных порядках [28, 29]. В Европе идея полиции во многом была результатом рационального политического дискурса, являвшегося, в свою очередь, продуктом европейского интеллектуального развития в целом и философии эвдемонизма и концепции всеобщего блага в частности. В России полиция как важнейший институт обеспечения правопорядка в структурах социального действия, включая реальные практики функционирования госаппарата, укоренена не была. Представления о правильно устроенном социальном порядке формировались, отставая от практики строительства полицейской системы, а без таких представлений, как показывал российский опыт, полиция не способна реализовать возложенные на нее задачи достижения общего блага и реализации общественного интереса и не имеет возможности функционировать как эффективный институт леги-

тимного насилия. Формирование полиции и создание полицейско-правовой теории в России находились в состоянии коэволюции.

Развитие теории полицейского государства способствовало выявлению внутренних противоречий полицейского государства и определению объективных оснований для преобразования полицейского государства в правовое. В начале XX в. понятие «полицейское государство» стало ассоциироваться лишь с принудительной деятельностью государства по обеспечению публичной безопасности и общественного порядка [17, с. 17], а также с осуществляющими полицейскую деятельность органами [30, с. 7–8]. Укоренились представления о том, что полицейское государство – это отсутствие правового государства, политический антипод правового государства, синоним современной диктатуры тоталитарного типа.

Социально-теоретическое не(до)понимание различий между представлениями о полицейском государстве в XIX и XX вв. во многом явилось результатом политических событий и процессов в Европе в первой половине XX в. «В результате активного использования полицейского аппарата (включая тайную полицию) европейскими идеократическими диктатурами (СССР, Третий рейх) и другими авторитарными режимами произошли значительные семантические изменения в самом понятии „полиция“, по сути, лишившемся своего прежнего нормативного значения или, как минимум, его части» [31, с. 10]. Это недо-разумение в области теории значительно усилилось в результате дословного перевода немецкого слова *Polizeistaat* как *police state*, вошедшего в конце 1930-х гг. в английский разговорный язык и тем самым ставшего достоянием мировой научной и широкой общественности [32, S. 66]. В то время понятие «полицейское государство» активно использовалось журналистами для придания негативных коннотаций именованию существовавшего в Германии государства национал-социалистов. Понятие «полицейское государство» утратило свое изначальное значение, закрепив за собой определение полицейского государства как репрессивного государства, контролирующего все сферы общественной жизни, применяющего насилие в отношении политических оппонентов и характеризующегося произволом со стороны полиции, прежде всего тайной, подменяющей собой органы нормального управления и правосудия [31, с. 11].

До настоящего времени управленческо-экспертная система классического полицейского государства не получила своего комплексного анализа. Внимание проблематике теории и практики полицейской деятельности оказалось минимизированным и в России, и за рубежом. Исследовательская «робость» в отношении проблемных полей и общественных институтов, имеющих отношение к осуществлению государ-

ственной монополии на насилие, – вооруженных сил и прежде всего полиции, имеет место среди ученых разных стран [33, S. 4–12]. Причин для этого оказалось множество. Например, вера в умиротворяющий эффект прогресса, восприятие присутствия насилия в современных обществах как пережитка социальной архаики, закрепление прогрессивной идеологии, согласно которой в современных обществах место насилия все в большей мере занимают эмпатия и рациональный дискурс, позволяющие разрешать любые общественные конфликты, не прибегая к аппарату принуждения [33, S. 4–12].

Однако изучение полицейско-правовой теории как дискурсивного феномена Нового времени и институциональной истории полицейского государства как политико-правовой техники поддержания правопорядка может быть эвристически небесполезным для понимания практик господства в современных обществах, «замирность которых является скорее их собственным идеалом (идеологией), нежели фактической действительностью» [31, с. 14]. В сфере организации и деятельности полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства. Поэтому именно здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органические взаимосвязи и силы, присутствующие и в настоящем. Ведь без их полной переработки невозможно двигаться дальше, поскольку полиция являлась основной силой абсолютистского государства, а преодоление абсолютизма – не столько механический или технический процесс в государственном праве, сколько духовный, что применимо к идее полиции в гораздо большей мере, чем к какой-либо другой. А поскольку речь идет об идейных изменениях, условием их понимания является знание их изначального содержания и сил, приведших к их изменениям. Поэтому изучение современного мышления о полицейском государстве, вариантов и тенденций его развития следует дополнить исследованием его предшествующего развития [34, S. 4–5].

1. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб. : Сенат. тип., 1903.
2. Melcher K. Die Geschichte der Polizei. Berlin : Gersbach & Ssohn, 1926.
3. Регламент или устав главного магистрата. 16 января 1721 г. // Реформы Петра I : сб. док. / сост. В.И. Лебедев. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
4. Delamare N. Traité de la police, où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les reglemens qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris & huit Plans gravéz, qui repréfontent son ancien Etat, & fes divers Accroiffemens, avec un recueil de tous les statuts et reglemens des six corps des marchands & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Vol. 1–2. Paris : J. & P. Cot, 1707–1710 ; 2-nd ed. Vol. 1–4. Paris : Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérisant, 1719–1738.
5. Loyseau Ch. Les oeuvres. Paris, 1666.
6. Thomasius C. Fundamenta juris naturae et gentium. Halle ; Leipzig, 1705.

7. Wolff Ch. von. Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt : in 2 vol. Frankfurt am Main, 1720–1724.
8. Wolff Ch. von. Vernünfftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen. Halle, 1721.
9. Wolff Ch. von. Jus naturae methodo scientifica pertractum : in 8 vol. Halae Magdeburgicae, 1740–1748.
10. Вольф Х. фон. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб. : Тип. Артиллер. и Инженер. Шляхет. Кадет. Корпуса, 1765.
11. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. М. : АСТ, 2010.
12. Филиппов А. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. Статья первая // Отечеств. зап. 2012. № 2. С. 328–340.
13. Justi J.H.G. von. Grundsätze der Polizeiwissenschaft in einen vernünfftigen, auf den Endzweck der Polizei gegründeten, Zusammenhang und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasst. Göttingen : Vandenhoeck, 1756.
14. Юсти И.Г.Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния : в 4 ч. : пер. И. Богаевского. СПб. : Тип. при Императ. Акад. наук, 1772–1778.
15. Häberle P. Die Gemeinwohlproblematik in rechtswissenschaftlicher Sicht. Rechtstheorie. Bd. 14. Heft 3. Berlin, 1983.
16. Степанов Я. Первые два периода самостоятельного существования науки о полиции в Германии. Казань : Univ. тип., 1869.
17. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. СПб. : Изд. студентов, 1907–1908.
18. Елистратов А.И. Государственное право. М. : Печатня А. Снегиревой, 1912.
19. Ивановский В.В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань : Типо-литогр. Императ. Каз. ун-та, 1908.
20. Елистратов А.И. Учебник русского административного права. Пособие к лекциям. Вып. 1. М. : О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1910.
21. Елистратов А.И. Основные начала административного права. М. : Изд. Г.А. Лемана, 1914.
22. Mohl R. von. Die öffentliche Rechtspflege des deutschen Bundes. Stuttgart : J.G. Cotta, 1822.
23. Mohl R. von. Das Bundes-Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. Stuttgart i Tübingen : J.G. Cotta, 1824.
24. Mohl R. von. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Bd. 1–2. Tübingen : H. Laupp, 1832.
25. Mohl R. von. System der Präventiv-Justiz oder Rechts-Polizei. Tübingen : H. Laupp, 1834.
26. Моль Р. фон. Наука полиции по началам юридического государства : пер. с 3-го нем. изд. Вып. 1 / пер.: Р. Сементковский. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1871.
27. Моль Р. фон. Энциклопедия государственных наук / пер.: А. Попов. СПб. ; М. : М.О. Вольф, 1868.
28. Raeff M. The well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth and eighteenth century Europe: an attempt at a comparative approach // Amer. Hist. Rev. Vol. 80, № 5.
29. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология. Самара : Самар. ун-т, 2000.
30. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пг. : Сенат. тип., 1917.
31. Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социол. обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 9–40.

32. Chapman B. Der Polizeistaat. München : List, 1972.
33. Stölting E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2009.
34. Wolzendorf K. Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. Breslau : Marcus, 1918.

УДК 340.1

*В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства
и права Академии МВД Республики Беларусь*

ЧЕЛОВЕК – ПРАВО – ГОСУДАРСТВО – ТЕХНИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В последнее десятилетие в сообществе правоведов наибольший интерес вызывают две главные темы. Первая из них связана с возвращением к обсуждению проблемы человека и его прав, которая после 90-х гг. прошлого столетия переживает свою новую постановку. Прежде всего эта проблема касается взаимодействия человека и институциональных образований, в основном, конечно, государства (человек – государство, гражданское общество – государство, личная свобода – общественная безопасность и т. д.). Вторая, не менее важная, тема – это технологизация права, все более активное использование информационных технологий как в жизнедеятельности общества в целом, так и в правовой реальности в частности. Представляется, что эти две важные темы связаны между собой и требуют своего осмысления в комплексе.

Сегодня становится все сложнее обсуждать проблему человека и его свободы в отрыве от проблемы техники. Традиционно тема человеческой свободы в политически организованном обществе рассматривается в контексте ее ограничения государственной властью, т. е. в традиционной новоевропейской постановке вопроса о «подозрении государства». Однако проблема свободы человека сегодня должна также анализироваться и в контексте не менее мощной тенденции, в соответствии с которой контроль в современном обществе осуществляется не только государством, но и медиаплощадками, интернет-таблоидами, блог-каналами, частными информационными корпорациями и т. д.¹

¹ Например, интернет-портал TUT.BY в общественном сознании белорусов ассоциируется с достоверным и объективным источником информации и в этом отношении вполне конкурирует с государственными СМИ.

Речь идет о возрастающем развитии техники и ее влиянии на поведение людей.

Человек и его правовое существование¹ сегодня постепенно переменяются из актуальной реальности в виртуальную, которая все чаще приобретает правовые черты независимо от юридикации этой реальности со стороны государства (прежде всего из-за социальной значимости виртуальных операций и их последствий). Этот процесс объективен, и он только нарастает в своих масштабах ввиду увеличивающейся дигитализации социального мира. Следовательно, традиционное рассмотрение права как средства социального контроля, социальной инженерии на современном этапе развития общества постепенно уходит в прошлое, уступая свое место концепции *техники как социальной инженерии и основного социального регулятора*. В связи с этим нельзя не вспомнить знаменитую статью М. Хайдеггера «Вопрос о технике», в которой он достаточно рано (1953), еще до широкого распространения информационных технологий, подметил антиантропологическую направленность технического развития, достигшего сегодня своей вершины в области высоких технологий: «Человек настолько решительно втянут в постав (раскрытие потаенности через развитие техники в целях получения выгоды. – В. П.), что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности экзистирует из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя» [2, с. 233].

Безусловно, государство использует технические достижения в процессах управления и, несмотря на определенное отставание в использовании цифровых информационно-коммуникативных технологий в государственно-властной деятельности, постепенно усиливает свою технологическую составляющую. Однако было бы неверным рассматривать использование государством техники только с позиции усиления социального контроля. В своих работах мы уже обосновывали целесообразность осмысления данной проблемы только в рамках классического либерализма [3]. Когда говорят о деятельности государства по включению техники в стратегии государственного управления, не обращают внимание на тот факт, что государство таким образом ис-

¹ Понятие «правовое существование» не характерно для традиционной общеправовой теории, которая в основном оперирует понятием «правовое поведение». Понятие «правовое существование» («правовая экзистенция»), используемое в антропологическом подходе к праву, раскрывается нами в отдельной работе [1, с. 79–80].